

УДК 33

DOI 10.23683/2227-8656.2017.5.23

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИЛЛЕГАЛЬНЫХ ПРАКТИК В РОССИЙСКОМ МАЛОМ БИЗНЕСЕ

INSTITUTIONALIZATION OF ILLEGAL PRACTICES IN RUSSIAN SMALL BUSINESS

Евсюков Виктор Германович

Соискатель Адыгейского
государственного университета,
г. Майкоп,
e-mail: vic_evs@mail.ru

Viktor G. Evsyukov

Applicant
of Adyghe State University,
Maikop,
e-mail: vic_evs@mail.ru

Автор статьи формулирует позицию, согласно которой проявляется тенденция к институционализации иллегальных практик в российском бизнесе, что связано с преобладанием неформальных социальных отношений, неэффективностью правоприменительных практик и дефицитом ресурсов института малого бизнеса в рамках развития легальной предпринимательской деятельности.

The author of the article formulates the position that there is a tendency to institutionalize illegal practices in russian business, due to the predominance of informal social relations, the inefficiency of law enforcement practices and a shortage of small business resources of the institute in the development of legal business activities.

Ключевые слова: акторы малого бизнеса, иллегальные практики, институт малого бизнеса, неформальные нормы, формальные регуляторы.

Keywords: actors of small business, illegal practices, institute of a small business, informal norms, formal regulators.

Введение

Отмечая, что позиции представителей малого бизнеса характеризуются анархизмом, индифферентностью по отношению к легальным практикам и связаны с реализацией деловых стратегий на основе внутренних офшоров, необходимо говорить о влиянии институциональных условий на воспроизводство и развитие иллегальных практик в сфере

малого бизнеса. Очевидной объяснительной схемой являются слабость формальных институтов в российском обществе и ситуация правового нигилизма. Вместе с тем в исследовании отмечалось, что российский малый бизнес имеет опыт использования неформальных социальных отношений, что не проявляется ориентированность на формирование институтов делегирования и представительства, чтобы лоббировать соответствующую нормативно-правовую базу.

Такое позиционирование связано с тем, что малый бизнес не получил статуса группы социальных интересов, а во внутренней институциональной среде значительное влияние обретают групповые отношения, которое можно отнести к сословным [1, с. 23]. Критериальные характеристики сословности связаны с преобладанием лояльности индивида перед сословными нормами над всеми другими групповыми лояльностями, а также наличием сословного этоса, имеющего реальное регулятивное значение [1, с. 23].

В условиях, когда институты порядка в российском обществе связаны не с институтами права, а с армией и церковью, можно говорить о том, что сам характер отношений акторов малого бизнеса с представителями контролирующих или регистрирующих структур определяется наработанностью уже имеющихся теневых схем. Это очень важное обстоятельство, которое нужно учитывать, если говорить о характере отношений малого бизнеса с обществом в целом, с тем, что в российском обществе деятельность малого бизнеса оценивается неоднозначно, что уровень институционального доверия к деятельности малого бизнеса репрезентирует целый спектр объективных и субъективных социальных отношений. Обращает на себя внимание тот факт, что в рамках доверия малый бизнес подпадает под контроль структур, имеющих достаточно низкий уровень социального доверия: органам местного самоуправления не доверяют 40 %, полиции и органам внутренних дел – 49 % [2, с. 108].

Так как в сфере малого бизнеса неразвита профсоюзная деятельность, на интересах малого бизнеса не концентрируют внимание общественные и правозащитные организации, а если и делают это, то как способ реализации иных интересов, можно ожидать, что будируемый в обществе интерес к защите малого бизнеса, особенно в кризисных условиях, не меняет уровень доверия к малому бизнесу как институту предпринимательства. Это выражается в том, что российский малый бизнес так и остается сферой теневой деятельности, и его привлекательность, как возможности обзавестись собственным делом, в боль-

шей степени свидетельствует о стратегии ухода от бедности, чем о карьерных стратегиях или стратегиях самореализации.

В этом контексте в обществе слабо оформлено отношение к малому бизнесу как институту. Малый бизнес в отличие от институтов, воплощающих могущество, державность, единство страны, так и не стал институтом, призванным выражать интересы определенных слоев населения, точнее сказать, что в сфере малого бизнеса обнаруживаются институциональные искажения, связанные с тем, что латентные функции доминируют над открытыми, позитивными, обусловлены тем, что малый бизнес призван снизить социальную напряженность, реализовать предпринимательские таланты и свойства целых групп людей и сыграть определенную роль в развитии инновационного сектора экономики. Кроме того, отношение к институту малого бизнеса определяется тем, что, с одной стороны, это сфера, которая представляется обществу как сфера полутеневой экономики, с другой – действующие иллегальные практики признаются чуть ли не единственным способом реализации предпринимательской деятельности.

Говоря об этом, нужно иметь в виду, что российский малый бизнес испытывает дефицит институционального доверия, так как связан с обслуживанием определенных групп населения и не представляется тем институциональным механизмом, который позволит резко снизить уровень бедности в стране. При полюсе высокого доверия к государственным институтам структуры малого бизнеса вытеснены на периферию институциональных проблем, что определяет отношение к деятельности в сфере малого бизнеса как способности обеспечить самого себя и свою семью и не нуждаться в поддержке со стороны государства. Такой позиции придерживаются 45 % россиян [2, с. 162].

Но это не означает, что таков уровень интереса к малому бизнесу в российском обществе. Имеется в виду, что в нынешних условиях распространения интернет-деятельности как механизма экономической самостоятельности привлекательность стихийных рынков и организация в сфере услуг снижаются. В обществе воспроизводится оценка малого бизнеса как самостоятельного в качестве реализации иллегальных деловых стратегий, но не имеющих перспектив и преимуществ при вступлении в рамки легальной деятельности. Практически по всем параметрам самооценки института бизнеса, таким образом, наблюдается легитимация иллегальных практик, то, что потребители услуг и товаров малого бизнеса готовы к сохранению существующей ситуации ради дешевых цен.

Предпочтения в пользу малого бизнеса, таким образом, связаны с адаптивными обстоятельствами и не возвышаются до уровня общесоциальных ожиданий, связанных с улучшением качества жизни и экономическим ростом. Институционализация иллегальных практик в сфере малого бизнеса определяется тем, что неформальные схемы приобретают характер саморегуляторов, в то время как формальные институты воспринимаются как административные ограничители. Проводимый курс либерализации в отношении малого бизнеса выявил негативную особенность в том, что при реализации тезиса «перестать кошмарить бизнес» и облегчении процедур регистрации катастрофически падает уровень внешнего контроля, усиливается тенденция открытия предприятий-однодневок и поставки недоброкачественных товаров и услуг.

Это проявляется в том, что не наблюдается сдвиг в производственную сферу, что акторы малого бизнеса не ориентированы на инвестиции в развитие собственной отрасли, так как обновление стандартов и принципов предпринимательской деятельности не является основным вектором самореализации в российском обществе [2, с. 165]. Можно говорить также о том, что институт малого бизнеса занимает декларируемые позиции в российском обществе и не входит в верхние ступени позиции институциональной иерархии. Сложившаяся институциональная иерархия отражает этатистский характер российского общества, но вместе с тем открывает достаточный простор для реализации анархистских интенций, которые выражаются в проявлении лоялизма по отношению к государству и отсутствии запроса на легализацию отношений с контролирующими и регистрирующими структурами. В этом смысле малый бизнес не приветствует институциональных перемен в российском обществе, считая, что в основном это перемены к худшему, и, как следует отметить, напряженность кризисной ситуации определяется в той степени, в какой вводятся новые правовые регуляторы и нормативы.

В целом представители малого бизнеса, которые относятся к группе предпринимателей и самозанятых, демонстрируют следующие показатели благополучия: 2 % – нуждающиеся; 2 % – собственно, малообеспеченные; 4 % – благополучные [2, с. 172]. Однако эти показатели не должны вводить в заблуждение, так как если благополучие связано с личным потреблением и включает механизм экономии на производственном потреблении, можно сделать вывод о том, что представители малого бизнеса экономят на институциональных ресурсах. Учитывая, что существует паритет благополучных, малообеспеченных

и нуждающихся, институт малого бизнеса если и содержит солидаристический ресурс, то слабо связан с групповыми идентичностями, направленными на освоение институциональных ресурсов.

Это подтверждается и тем, что в рамках поддержки развития малого бизнеса наблюдается тенденция неосвоения предоставляемых льгот, поскольку переход к легальной деятельности связан с выполнением социальных и профессиональных стандартов, часто несовместимых с привычными деловыми стратегиями. Иными словами, неверно утверждать, что акторы малого бизнеса нуждаются только во внешней поддержке. Внутренняя неоднородность и то, что деловые стратегии определяются возможностями извлечения личной прибыли, показывают отсутствие легальной институциональной основы. Имеется в виду, что программы поддержки, связанные с внедрением легальных (правовых) регуляторов, не встречают отзывчивого адресата, так как бедные, малообеспеченные и нуждающиеся предприниматели нацелены на то, чтобы остерегаться рисков финансовой кабалы, в то время как для благополучных предпринимателей действуют схемы самоограничения, связанные с тем, что с ростом производства, предпринимательской деятельности неизбежно начинаются коллизии, связанные с прекращением практик внутренних офшоров и переходом в иную категорию предпринимательской деятельности.

Если же говорить о программах помощи малому бизнесу как стратегии увеличения занятых в этой сфере, неизбежным отрицательным последствием являются рост нуждающихся предпринимателей и, следовательно, воспроизводство теневизации экономики. Нормальный уровень доходов, который бы мог позволить перейти к модели развития производства, в сфере российского малого бизнеса незначителен, так как в условиях кризиса, девальвации национальной валюты трудно представить то, что акторы малого бизнеса будут готовы производить существенные затраты на обновление технологического оборудования, повышение профессионального уровня своих работников, соблюдение технологических стандартов.

Такая ситуация воспроизводилась и ранее в благополучные времена, так, как отмечалось выше, существуют ограничители перехода развития малого бизнеса, связанные с тем, что вступление в ряды среднего бизнеса существенно изменяет условия конкуренции. Обретенные серые схемы становятся малоэффективными, так как требуются специальные правовые знания, содержание аппарата юристов, затраты на лоббирование интересов и участие в деловых организациях, включение механизмов накопления репутационного капитала. Оче-

видно, что подобная перспектива не является массовой, в то время как используемые схемы незаконного обогащения представляются новичкам малого бизнеса наиболее доступными, если, конечно, учитывать, что они занимают наиболее рискованные и менее прибыльные сферы ведения предпринимательской деятельности.

Также следует подчеркнуть, что возникает лаг в институционализации деловых стратегий: благополучные в малом бизнесе могут использовать легальные схемы, в то время как для малообеспеченных и нуждающихся степень их реализации затруднена фактическим неравенством имеющихся возможностей.

Судя по тому, что в российском обществе институциональное доверие распространяется на институты символического порядка, нетрудно предположить, что институт малого бизнеса с неоднозначной социальной репутацией если и воспринимается как полезный, то рассматривается в контексте личного выбора, попадания в определенный круг людей и занятия деятельностью, не имеющей никакого другого смысла, кроме как зарабатывание денег. В этом контексте следует говорить о том, что такая установка вполне подстраивается под картину устремлений россиян, в которой наибольшей значимостью обладают «создать счастливую семью», «иметь надежных друзей», «жить не хуже других» [2, с. 266].

Актеры малого бизнеса, как отмечалось выше, испытывают институциональное недоверие к правоохранительным структурам, так же как и не рассматривают помощь правительства существенной в продвижении личного бизнеса. Для них правовые инновации – это внесение дополнительных рисков. Приветствуется либерализация законодательства, упрощение процедур, а точнее, восстановление сферы бесконтрольности. Вероятно, для представителей малого бизнеса характерна оценка предпринимательской деятельности как приносящей определенную прибыль и рассчитана на определенный круг потребителей, не принимающих во внимание нормативные ограничения и контрольные оценки.

Привычка работать налево, уходить от налогообложения, конечно, характерна не только для малого бизнеса в целом, где присутствуют и тенденции законопослушности в наиболее перспективных отраслях. Но трудно сказать, в какой степени малый бизнес делится на законопослушных и не законопослушных, но если брать такое перспективное направление, как хостельерство (сдача квартир в наем), то, как отмечает РБК, 50 % хостельеров работают по серым или черным схемам. Безусловно, такая позиция приносит ущерб законопослушным

бизнесменам, которые справедливо указывают на то, что принимаемые законы делают невозможным честный бизнес, в то же время иллегальные практики по объему и влиянию конкурируют с легальными. Если брать конкретную ситуацию хостельерства, то можно отметить, во-первых, что легальные практики предпринимаются бизнесменами с надежной репутацией, связанной с образованием круга постоянных клиентов, и имеющими достаточно высокую планку постоянного дохода, чтобы нести издержки наведения легального бизнеса; во-вторых, теневые хостельеры не ориентированы на стандарты высокого обслуживания, вызывают наибольшее беспокойство своим бизнесом, так как их объекты расположены в многоквартирных домах, и, наконец, рассматривают хостельерство только как один из возможных видов бизнеса, не занимаясь этим серьезно и целенаправленно, извлекая краткосрочную прибыль.

Очевидно, что формальные институциональные ограничения довлеют над легальными бизнесменами, в то время как действующие по серой схеме либо прекращают бизнес, переориентируются на другую прибыльную область деятельности, либо создают систему неформальной защиты, договоренности с административными и проверяющими структурами. Иными словами, формальные институты не работают в режиме открытых функций, а их ресурсы могут использоваться для устранения конкурентов, извлечения должностной ренты чиновниками, возможностей канализировать прибыли в нужном направлении. Фактически легальные практики уступают место иллегальным и по доступу к социальным ресурсам, и по возможности стартовых условий деятельности.

Институционализация иллегальных практик характеризуется, во-первых, их массовизацией; во-вторых, принятием неформальных регуляторов в качестве этоса делового поведения, переориентацией предпринимательской деятельности на серые схемы. Подчеркивая это обстоятельство, можно говорить о том, что при низком доверии к контролирующим и правоохранительным структурам со стороны акторов малого бизнеса и достаточно спорной репутации в обществе их деятельности возникает запрос на забвение, на то, чтобы в общественный дискурс попадали вопросы малого бизнеса. Действительно, в обсуждении этих проблем участвуют депутаты думы, профессиональные политики и юристы, но как-то незаметна позиция самих акторов малого бизнеса, которым присущ комплекс публичной немоты. Говоря об этом, следует отметить, что в силу низкого уровня самоорганизации, отсутствия профсоюзных и общественных структур институционали-

зация иллегальных практик проходит через неформальные механизмы: повторяемость, воспроизводство иллегальных схем.

Актеры малого бизнеса разделяют убеждение подавляющего большинства россиян о том, что очень важными являются работа и семья: об этом заявляют соответственно 89 и 88 % [2, с. 189]. С другой стороны, очевидно, что в общепринятой позиции просматриваются немаловажные смысловые отличия: работа воспринимается как набор опривыченных действий, имеющих оправдание на социальном микроуровне и не требующих привлечения социальных и правовых стандартов, заданных со стороны формальных институтов. Институт малого бизнеса в том виде, в каком он сложился в российском обществе, безусловно, если пользоваться выражением неоинституционалистов, является институтом закрытого доступа. В нем действуют практики принуждения и насилия, и выигрывают те, кто использует ресурс неформальных знакомств.

Отмечая эту ситуацию, немаловажным представляется, что внутри малого бизнеса существует система разделения на своих и чужих, неформальных преимуществ, связанных с опытом работы и ресурсом накопленных знакомств. Интересным является, что ассоциации малого бизнеса не отмечены стремлением инициировать укрепление правовой культуры, не выступать с социальными акциями в поддержку честного малого бизнеса. Практически продолжается концентрация вокруг стихийных открытых рынков с закрытыми для постороннего человека правилами и нормами. Жалобы на произвол чиновников (что приходится всем платить) отражают сложившуюся институциональную ситуацию, в которой присутствует верховенство латентных функций. Но вместе с тем следует говорить о том, что по отношению к своим работникам актеры предпринимательской деятельности реализуют стратегии принуждения, устрашения, давления или добровольного согласия. Возникающий эффект круговой поруки, очевидно, является взаимовыгодным, и противоречия выносятся на поверхность, когда малый бизнес сталкивается с административным давлением или работники обращаются в правовые и судебные инстанции.

Иными словами, хотя и признается необходимость формальных правовых регуляторов, особенно в критических ситуациях, иллегальные практики являются повседневными, закрепляющими чувство стабильности, неизменности частного порядка, в то время как попытка введения правового контроля вызывает предубеждение даже со стороны акторов легального бизнеса. Это объясняется тем, что в рамках иллегальных практик действует правило выбора, в то время как легаль-

ные практики направлены на то, чтобы поставить актора предпринимательской деятельности в сеть определенных административных ограничений.

Предпринимательская деятельность в малом бизнесе, таким образом, характеризуется доминированием иллегальных практик в качестве эффективных и узким применением легальных практик в качестве демонстративных. Это выражается в том, что существующий слой легитимного бизнеса не столько диктует свои правила бизнесу легальному, сколько идет у него на поводу, так как принимает вполне обоснованные ситуации, в которых приходится применять иллегальные практики. В описываемом примере с хостельерством можно предположить, что легальные хостельеры, выступая против чрезмерного правового вмешательства, имеют в виду, что в законодательстве должны сохраняться лазейки для иллегальной деятельности, что формализация процедур может быть связана с непредвиденными расходами, и умение договариваться ценится больше, чем принуждение к правовому порядку. В этом смысле институциональные регуляторы являются регуляторами, характеризующими конфликт интересов. Определенные внутренние правила малого бизнеса предоставляют способность сохранять дисциплину, но не содержат стимулов для формирования институционального дизайна.

Важным следствием является то обстоятельство, что малый бизнес обладает степенью правовой независимости от государства и свободой действий, пусть даже и формально ограниченной. Не вмешиваясь в дела государства, не оказывая влияния на деятельность контролирующих органов и не проявляя заинтересованности в введении правовых инноваций от своего лица, представители малого бизнеса однородны в позиции рассматривать правовые нормы, даже содержащие очевидные преференции для развития малого бизнеса, как нежелательные институциональные перемены. Если следовать неоинституционалистскому правилу, переход от иллегального к легальному состоянию может происходить постепенно и быть отмечен возрастающей способностью структурировать отношения, касающиеся долгосрочных интересов малого бизнеса.

Характеризуя это обстоятельство, можно говорить о том, что сеть отношений малого бизнеса как клиента и контрольных структур как патронов кажется глубококоррупцированной. Так как все построено на личных связях, круг знакомств индивида и положение его знакомых значат больше, чем то, что они делают [3, с. 93]. Важным является то, что для акторов малого бизнеса иллегальные практики как раз и вы-

ступают легитимированными, повышая при этом градус недоверия к действующим контролирующим институтам. Сам процесс формирования российского бизнеса показывает, что влияние кризиса государственного управления и падение веры в законность определяли направленность представителей малого бизнеса на уход в сферу неправовой свободы. Говоря об этом, можно также отметить, что в малом бизнесе 16 % используют стратегии совместительства и разовых приработков [4, с. 69]. Это означает, что акторы малого бизнеса не нуждаются в строгих ограничениях, связанных с постоянной работой и стабильным заработком. В большей степени деловые стратегии настроены на поиск выгодных предложений, на то, чтобы менять различные виды профессиональной деятельности, что требует отказа от соблюдения определенных профессиональных и квалификационных стандартов, санитарных и потребительских норм.

В нынешних условиях особенно важно, что иллегальные практики обладают большим адаптивным потенциалом по сравнению с легальными. Об этом свидетельствует тот факт, что 96 % предпринимателей считают себя проигравшими от кризиса [2, с. 72]. В реальности – это и механизм самооправдания по отношению к формуле жесткой экономии, заработков и сокрытия доходов. 2/3 из них отмечают [2, с. 72], что пострадали от роста цен и в меньшей степени от ситуации на работе. В то же время схожие по масштабам механизмы воздействия кризиса имеют разную направленность в отношении перспективы нарастания иллегальных практик. Если говорить о последствиях урона, нанесенного ростом цен, очевидно, что для малого бизнеса привлекательность иллегальных практик представляется в виде схем изготовления поддельных дешевых продуктов и изделий: в выпуске контрабандной швейной продукции, изготовлении и продаже некачественных пищевых продуктов (суррогатов), оказании ремонтных услуг за счет дешевых непрочных материалов. Это связано с феноменом солидаризма, с тем, что иллегальные практики поддерживаются как предпринимателями, так и работниками.

Что же касается ситуации на работе, то для акторов малого бизнеса возрастает влияние принуждающих практик: давление на работников с целью соглашения на менее выгодные условия труда или отмена всяких условий, негарантированность заработка. При этом акторы малого бизнеса считают себя проигравшими в кризис в том смысле, что существует эффект приbedнeния, с одной стороны, т. е. недопустимо давление на страдающий от кризиса малый бизнес, и возможности сохранить имеющие иллегальные преференции, т. е. создание си-

туации, в которой введение правовых регуляторов можно считать наступлением на права акторов малого бизнеса, введение статуса эксплуатируемого слоя.

Между тем российский малый бизнес достаточно стабилен в кризисные времена и испытывает потери в благополучные. Конкуренция с сетевыми компаниями в торговле в начале 2000-х гг., приведшая к спаду влияния стихийных рынков, показывает, что для малого бизнеса социальная стабильность и рост доходов означают снижение спроса на его деятельность. Как отмечалось выше, российский малый бизнес не сформировал и не использует схемы территориальности, формирование круга близких клиентов, являясь пространством социальной рассеянности, формируя запрос на случайного клиента. Отсюда иллегальные практики не имеют ограничений, связанных с потерей социальной репутации, реноме. Заслужить доверие клиента не считается корпоративным правилом. В то же время в код поведения входит обязательство воздерживаться от ценового демпинга, вести обязательное латентное налогообложение в пользу кланов, регулирующих деятельность стихийных рынков.

Заключение

В описании данной ситуации также важно отметить, что российский малый бизнес по существу остается предпринимательством в условиях кризисной деятельности, поэтому не включает в себя нормы стабильности, работы в условиях социальной упорядоченности. Когда говорится о том, что малому бизнесу необходимо создать нормальные условия, вероятно, само по себе расширение сферы неправового регулирования только стимулирует рост иллегальных практик. Малый бизнес пока не сформировал законные социально-экономические ниши, которые бы позволили привлекать клиентов, вызывая интерес не дешевизной и сомнительным качеством, а оказанием уникальных, нестандартных, содержащих элемент личного доверия услуг. Также в производственной сфере, сфере строительства у малого бизнеса есть определенный простор, где постоянно поддерживается высокий запрос на рост индивидуального жилья и качественный ремонт.

Также следует подчеркнуть, что пребывание малого бизнеса в состоянии отсутствия кризиса, хотя и грозит свертыванием традиционных сфер занятости в силу конкуренции с сетевыми структурами, дает выигрывать инновационному сектору.

Важным институциональным условием является дефицит механизмов деформализации правовых норм, создание ситуации, в которой правила игры не менялись. Для акторов малого бизнеса схема опыта

включает нежелательность правовых перемен, о чем говорилось выше. И это связано не только с очевидной тенденцией ужесточения регуляторов, ограничивающих деятельность малого бизнеса, но и с тем, что сужаются возможности конкуренции со средним бизнесом. В российской предпринимательской среде не сложилась практика заключения взаимовыгодных альянсов малого бизнеса со структурами среднего и крупного бизнеса с тем, чтобы действовала стратегия мягкого включения, ситуация аффилированности малого бизнеса со средними структурами в качестве поставщиков или субподрядчиков.

Литература

References

1. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. М., 2013.
2. Дискин И.А. Россия, которая возможна. М., 2011.
3. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М., 2011.
4. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М., 2015.

1. Gorshkov M.K. Rossiyskoe obshchestvo kak ono est'. M., 2013.
2. Diskin I.A. Rossiya, kotoraya vozmozhna. M., 2011.
3. Nort D., Uollis Dzh., Vayngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. M., 2011.
4. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 2. M., 2015.

Поступила в редакцию

19 июня 2017 г.